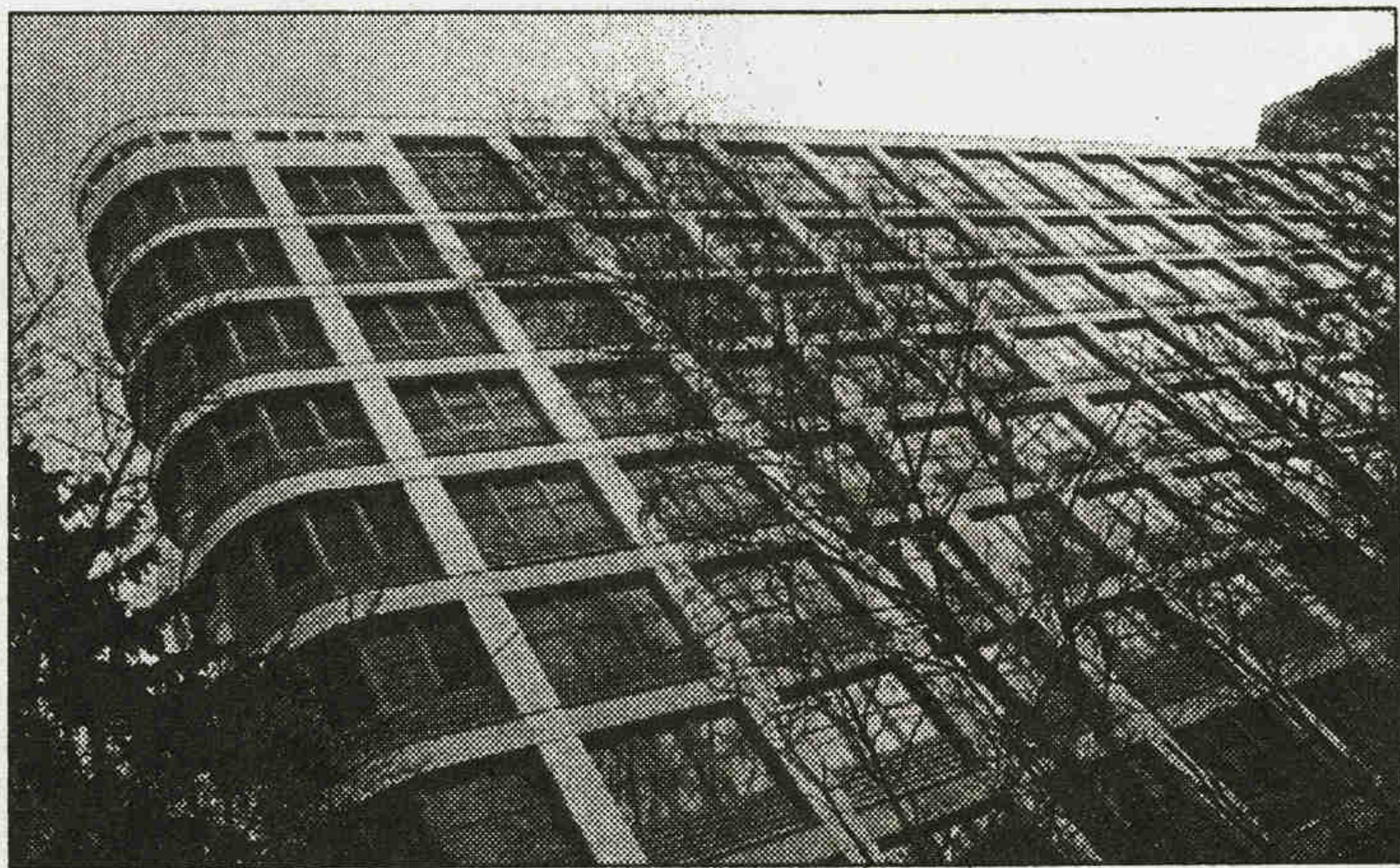

ЖИТЬ СТАЛО ВЕСЕЛЕЙ

В номинации «многоквартирный дом» наконец-то запахло архитектурой

Вся наша жизнь — окно. (Жилой дом на Звенигородской улице. Архитекторы Владимир Плоткин, Ирина Деева, Алексей Бородушкин. ТПО «Резерв».)

строители нарушают права города, зелени и граждан. Против чего последние вяло бунтуют, хотя сами же голосовали за рынок и частную инициативу.

Утешает меня только то, что новоселы будут видеть из своих окон посеревшую панельную девятиэтажку с захлапленными балконами, а я — какую-никакую архитектуру. Пусть и не первоклассную, но все же не плоскую стену, а какие-то волны с «французскими» балконами. Подозреваю, что без башенок с фронтонами не обойдется («Донстрой» все же), но это можно и перетерпеть. В конце концов весь аттракцион «донстроевского» декора это не более чем усердно исполненный принцип «средовой архитектуры». Все эти колонны, купола, пинакли, балясинки, круглые окна, кованые балконы — просто утрированный стиль «немецкой» застройки 40–50-х. То есть дух места выдается новоселам в одном флаконе с пентхаусами и тройными стеклопакетами.

Конечно, это довольно наивный ход, отмазка вроде нового заборчика вокруг нашего палисада — в качестве «компенсации» за неудобства. Дух места — это все-таки не балясинки, а сомасштабность, наследование объемно-пространственной сложности, сохранение градостроительной структуры (а «немецкие» дворники Октябрьского Поля — классической планировки, огороженные арками и воротами, с фонтанами и скульптурами — успели стать классикой). Но делать большой жилой дом «архитектурой» — это для девелопера и задача слишком сложная, да и роскошь ненужная. Для него дом это математика: умножай себе метры на баксы, получай прибыль. Обозревая год назад элитные новостройки («НГ» от 28.04.2000), именно об отсутствии в них архитектуры мы и печалились. За исключением домов Владимира Плоткина ничего в этом жанре хорошего не было.

Однако за минувший год ситуация изменилась. Барахла, конечно, не стало меньше, но зато построено сразу несколько домов, которые можно рассматривать как архитектуру. А связано это с тем, что в данном формате появился архитектор. Не покорный исполнитель прихотей застройщика, а интеллектуал с собственной программой, который к тому же умеет убедить. За год в этом жанре отметились едва ли не все ведущие московские зодчие: Скокан и Плот-

кин, Киселев и Скуратов, Бавыкин и Юдинцев, Левянт и Лызлов, Ткаченко и Колосницын, Крышталь и Воронцов.

Конечно, жилой дом «Остоженки» на улице Климашкина это совсем не то, что ее знаменитый банк на Пречистенской набережной, но по сравнению с ту-пизной окрестных коробок это просто прорыв. Две кирпичные башни соединяются наверху переходом-квартирой — получается дом-арка. Решение вроде бы простое, но оригинальное; вещь мощная, ассоциаций — гора (от пиранезиевских тюрем до серафимовского Госпрома); арка же сориентирована на ось квартала, которую задает костел на Грузинской. Возникшая здесь пара дала обильное потомство: похожие близнецы спроектированы на Якиманке, улице Врубеля, в Голутвинском переулке, сразу две элегантные парочки строятся за станцией метро «Сокол». Концепт под это естественно сложившееся решение Скокан сочинил спорный, но красивый: если один объем входит в сложившуюся среду со скрипом, вступает с ней в обязательный конфликт, то подобная пара замкнута на себе, она сама себе среда, а потому раздражает меньше.

Независимо от Скокана похожую идею воплотил в Zubовском проезде Сергей Скуратов. Там тоже два почти одинаковых объема сдвинуты относительно друг друга, только первый в парадном полосатом костюмчике из гранита, а второй, тот, что во дворе, — по-домашнему штукатурный. Но кроме «внутрисемейного» диалога, они ведут интересный разговор с округой: торец первого дома — глухой, потому как является фоном для стоящего перед ним дуба, под которым Пушкин слушал глас Семеновой, той чудной музыки. Эффектным портиком верхнего этажа (за которым — двухуровневый пент-

Превратив стену дома в фон для «пушкинского» дуба, Сергей Скуратов утер нос Жану Нувелю, который весь свой Фонд Картье строил как стеклянный задник для кедра, посаженного Штабрианом. (Жилой дом в Zubовском проезде. Компания «Сергей Киселев и партнеры».)

хаус) дом переключается с классическим портиком здания Дворцового ведомства на Саловом, а второй его объем полукруглой стеной как бы отгораживается от ужасной цеховской двенадцатиэтажки. Композиция вроде бы спокойная, но динамичная; со средой все увязано, но без подобиострастия; детали прорисованы — но ни одной лишней.

А вот дом в Даевом переулке в деталях просто утопили. Построил его архитектор Юрий Ильин-Адаев, и весь дом словно бы производная от этой рифмы, какой-то ненужный каламбур. Впечатление такое, что его долго и старательно грызли. Сначала пришел какой-то большой зверь и выгрыз серединку фасада. Потом зверь помельче поел углы. Потом пришел совсем небольшой зверок и понакусывал мансарду. Потом пришли люди с мешками керамики и стали дырки залатывать. Потом разукрасили так, как красится восьмиклассница, пока мама спит. Ну, углы балконов вроде бы эффектно полетели, но только хай-тек этот на модерне все равно что серьга в носу у восьмидесятилетней бабули.

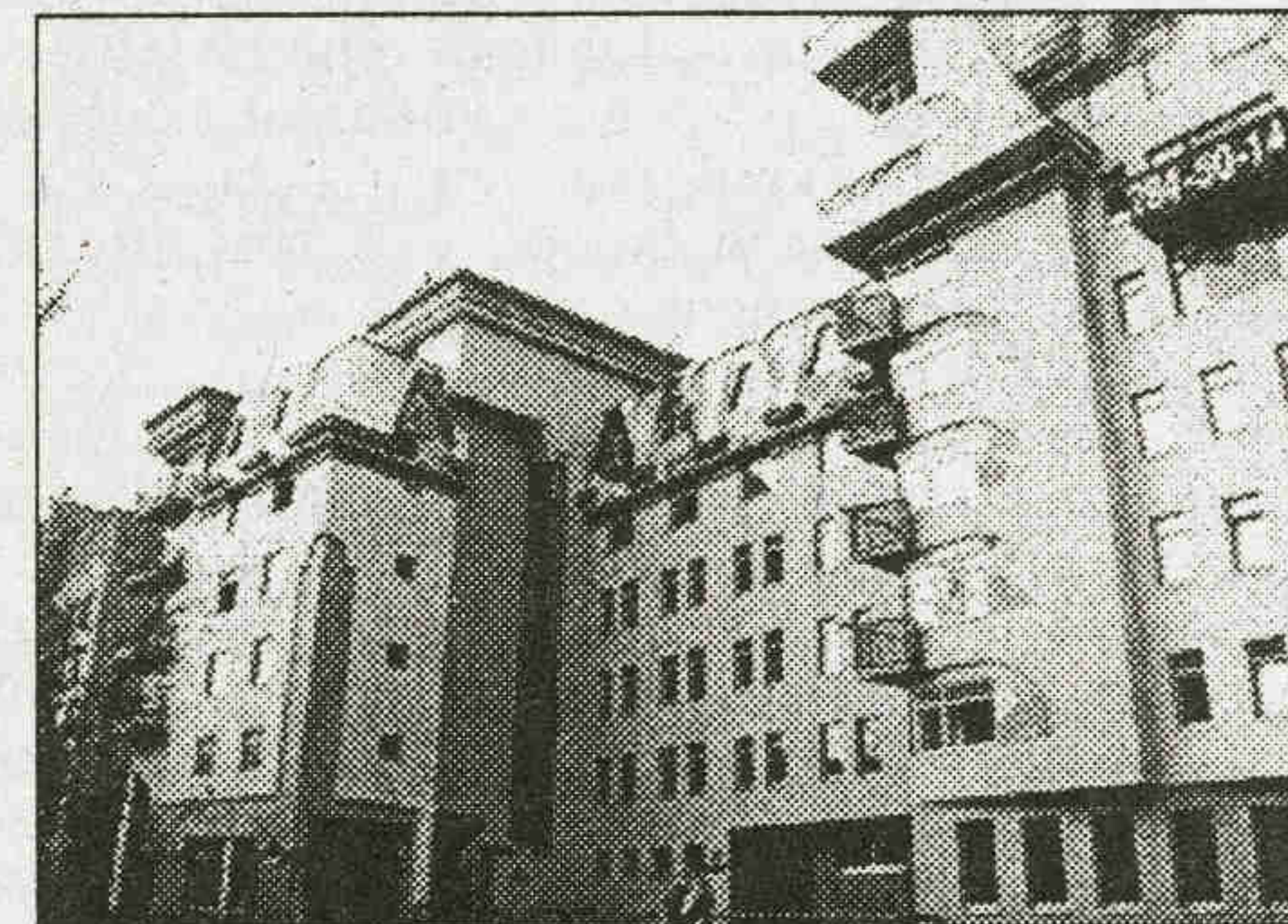
Самое странное, что в прошлом году тот же архитектор выстроил в тех же цветах и с теми же хай-течными детальками весьма симпатичный технический лицей в Тихвинском переул-

Просто, честно, современно. (Жилой дом на Звенигородской улице. Архитектор Юрий Гомон. ТПО «Резерв».) Фотографии автора

ке. Но откуда же пришла ему мысль разверстать то ПТУ на семь этажей и заставить в нем людей жить? Ну можно сказать, что идея делать жилье, не похожее на жилье, ныне весьма популярна. Владимир Плоткин построил на Малой Филевской улице дом, с паркового фасада здорово смахивающий на больницу. Потому что, кроме сетки громадных окон, тут нет не только деталей, но и вообще — «мяса». Но ведь и не нужен тут фасад, его за деревьями и не увидит никто, а жильцам зато — полное окно леса! Причем за окнами не лоджии, а собственно квартиры, низ же окна ты можешь перекрыть, если тебе неуютно жить в витрине, а можешь иметь окно во всю стену. Кстати, коллеги-архитекторы быстро оценили идею и уже понакупили себе здесь квартир.

Парочку простых, но элегантных «близняшек» выстроил в этом же квартале Юрий Гомон; сильный дом с эффектными косыми срезами балконов заканчивает на улице Хачатуряна Владимир Юдинцев; славную «Белгравию» с конструктивистским полукруглым «носом» строит на улице Бурденко тот же Скуратов. В общем, навстречу грядущему кризису перепроизводства жилья московские архитекторы сумели хоть чуть-чуть реабилитироваться.

Что такое перебор. (Жилой дом в Даевом переулке. Архитектор Юрий Ильин-Адаев. ЗАО «АРС». Фото А. Коновальчик